

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 316.346.32-053.6

DOI: 10.18287/2782-2966-2025-5-2-112-121

Дата поступления: 01.12.2024
рецензирования: 10.01.2025
принятия: 01.04.2025

С.Ю. Митрофанова

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: mit_s@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9571-9883>

Завершилось ли детство у современной молодежи? Треки эмпирического анализа

Аннотация: в статье поднимается вопрос треков анализа взросления на основе субъективной оценки возраста окончания детства. Используются треки анализа окончания детства по возрасту, полу и территории проживания, а также специфике взросления в сравнительной перспективе 2018 и 2023 гг. Респонденты – молодежь 17–23 лет, преимущественно студенчество в возрасте 18 лет (N = 774, 2018 г. и N = 1210, 2023 г.), отмечали дебютный возраст наступления конкретных событий в их жизни. Метод: онлайн-анкетирование, выборка неслучайная потоковая. Доказывается продуктивность использования треков эмпирического анализа в контексте обсуждаемой проблематики. Треки анализа по возрасту и специфике взросления в аспекте пола доказали свою эффективность, поскольку в них наиболее явно представлена парадоксальность одновременно укороченного и удлиненного взросления, как трек анализа внутри групп с ранним, нормативным и поздним взрослением в зависимости от пола, так и трек анализа по полу в зависимости от ориентации респондентов на раннее, нормативное и позднее взросление наиболее убедительно подтверждают идею одновременно пролонгированного и сокращенного взросления именно в отношении мальчиков. Полученные данные актуализируют вопрос определения тенденций взросления в детстве в среднесрочной перспективе.

Ключевые слова: треки эмпирического анализа; парадоксальность детства; возраст окончания детства; пролонгированное детство; укороченное детство; современная молодежь.

Цитирование: Митрофанова С.Ю. Завершилось ли детство у современной молодежи? Треки эмпирического анализа // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2025. Т. 5, № 2. С. 112–121. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2025-5-2-112-121>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Митрофанова С.Ю., 2025

Светлана Юрьевна Митрофанова – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии и культурологии, доцент кафедры социологии политических и региональных процессов, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, д. 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

S.Yu. Mitrofanova

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation
E-mail: mit_s@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9571-9883>

Has the childhood of the modern youth ended? Tracks of empirical analysis

Abstract: the article raises the issue of analytical tracks for the study of growing up based on a subjective assessment of the age at the end of childhood. The tracks used to analyze the end of childhood include age, gender, and territory of residence, as well as the specifics of growing up in a comparative perspective between 2018 and 2023. Respondents – young people aged 17–23, mainly 18-year-old students (N = 774 in 2018 and N = 1210 in 2023) – noted the debut age of the onset of specific events in their lives. The online questionnaire method was used, with a non-random, streaming sample. The productivity of using empirical

analysis tracks in the context of the discussed issues is demonstrated. The tracks of analysis by age and the specifics of growing up from a gender perspective have proven their effectiveness, as they most clearly reflect the paradoxical nature of both shortened and extended growing up. The track of analysis within groups with early, normative, and late adulthood depending on gender, and the track of analysis by gender depending on respondents' orientation toward early, normative, and late adulthood, most convincingly confirm the idea of both prolonged and shortened adulthood, particularly in relation to boys. The data obtained actualize the issue of identifying medium-term trends in growing up during childhood.

Key words: tracks of empirical analysis; paradoxical childhood; age of childhood end; prolonged childhood; shortened childhood; modern youth.

Citation: Mitrofanova, S.Yu. (2025), Has the childhood of the modern youth ended? Tracks of empirical analysis, *Semioticheskiye issledovaniya. Semiotic studies*, vol. 5, no. 2, pp. 112–121, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2025-5-2-112-121>.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© Mitrofanova S.Yu., 2025

Svenlana Yu. Mitrofanova – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Department of Sociology and Cultural Studies, Department of Sociology of Political and Regional Processes, Samara National Research University, 34, Moskovskoe shosse (Str.), Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

Данная статья встраивается в общий контекст дискуссии о раннем или пролонгированном взрослении подрастающих поколений в современном обществе (например, Мамычева 2010; Швец, Поливанова 2017; Митрофанова 2020; Нартова, Фатехов 2021; Тихомандрицкая, Рикель 2022; Ядова 2022; Майорова-Щеглова, Колосова 2024), которая развивалась ранее в тех или иных аспектах и зарубежными учеными (например, Valentine 2003; Robertson 2004; Noxon 2006; Blatterer 2007; Arnett 2019; Keij 2021). Реперные точки этой дискуссии применительно к детству были обозначены в публикации (Майорова-Щеглова, Митрофанова 2020). Ее суть в самом общем виде в том, что есть разные сферы, плоскости, уровни анализа, данные которых как внутри, так и между ними могут противоречить друг другу, что и отмечают ученые, говоря, например, о том, что «детство ... легко меняет свои границы и очертания в зависимости от области научных знаний, а также от целей и задач исследователей» (Ретюнских 2022, с.72). Так, есть, например, публичная плоскость обсуждения данного вопроса, где не раз заявлялось о пролонгации детства до 30, а то и до 42 лет (например, Скворцова спрогнозировала...; ООН: Детство...). Есть научная плоскость, где акцент ставится на том, что возрастают объемы информации, требуемой для усвоения современными детьми, отмечается необходимость увеличения времени для получения соответствующего образования, указывается на более позднее начало трудовой деятельности и профессиональное самоопределение, и другие позиции (например, Лишаев 2016). С другой стороны, условия информационного общества, технологизация различных сфер жизни способствуют более раннему появлению определенных практик у современных детей и приобретению ими специфических компетенций, которые либо во-

обще отсутствовали у предыдущих поколений, либо они осваивали их гораздо позже, что также отмечают ученые (например, Лишаев 2016; Майорова-Щеглова, Колосова, Губанова 2020). Данная работа является развитием некоторых положений и идей этой дискуссии, однако в ней поставлена и реализована новая цель: описать треки эмпирического анализа на основе субъективного определения молодыми верхней границы детства, провести сравнительный анализ результатов 2018 и 2023 годов по вопросу окончания детства.

В самом общем смысле под треками понимаем исследовательскую конструкцию в виде отдельных пунктирных линий, которые получаем по итогам эмпирического анализа. В контексте данной статьи рассуждаем об эмпирическом анализе процессов взросления и тех прерывистых линиях, «трассах», «дорожках», «следах» взросления, которые выявляем через субъективную оценку возраста окончания детства. В нескольких смыслах говорим о пунктирах в рамках эмпирического анализа процессов взросления. Первое. Пунктирность проявляется в том, что как в 2018 г., так и 2023 г. данные в определенный период времени по возрасту окончания детства у молодых в контексте тех или иных срезов (пола, материального положения, территории проживания и других) являются отдельными «пунктами» того или иного конкретного трека взросления. Второе. Пунктиры как составляющий элемент трека эмпирического анализа окончания детства могут быть положены в основу исследования тенденций взросления как относительно устойчивых ориентаций в процессе взросления. Третье. Так, хотя сам процесс взросления непрерывен, не может повернуться вспять в том плане, что именно ребенок вырастает во взрослого, а не наоборот. Вместе с тем сам анализ процесса взросления по своему итогу представляет собой именно выявление пунктиров взросления. Делает-

ся «фотографический снимок» или фиксируется картинка взросления в определенное время, которая сопоставляется с другой картинкой взросления в другое время, то есть процесс исследования – это не перманентный процесс, а прерывистый, в отличие от взросления или социальных изменений.

Треки эмпирического анализа в данной статье связываем, во-первых, со сравнением долей респондентов, отметивших конкретный возраст окончания детства по годам: 2018 г. и 2023 г. (трек по возрасту), во-вторых, с исследованием внутри групп тех, кто ориентирован на раннее, субъективно нормативное или позднее взросление по отдельным социальным характеристикам, таким как пол, материальное положение и территория проживания (треки по специфике ориентации взросления). И в-третьих, с возможностями сравнения данных по таким социальным характеристикам, как пол и место проживания у групп с разной ориентацией на раннее, субъективно нормативное или позднее взросление (треки по полу, материальному положению). Социальных характеристик в базе гораздо больше, однако выбрали именно эти, поскольку распределения по ним показали наиболее интересными.

На эмпирическом уровне к группе респондентов с ранним взрослением причисляем тех, кто считает, что детство завершилось до 13 лет включительно. Однако исходим из того, что эта группа очень неоднородна по своему составу, и имеет смысл внутри нее выделять подгруппы по таким субъективным оценкам возраста окончания детства, как 3–5, 6–9 и 10–13 лет. Обосновываем это деление как психологическими особенностями детей в каждом из возрастов (Аверин 1998), так и полученными данными в рамках реализуемого проекта. В анализе этой группы сконцентрируемся на изучении наибольшей по численности подгруппы среди тех, кто ориентирован на раннее взросление, а именно отметивших, что детство заканчивается в 10–13 лет. Вместе с тем не отказываемся и от рассмотрения других когорт, ориентированных на раннее взросление, когда это необходимо для получения полноты общей картины взросления. За субъективно нормативные или стандартные, обычные, типичные рамки окончания детства принимаем интервал от 14 до 18 лет, поскольку статистически в этом интервале самая многочисленная группа на основе субъективного представления об окончании детства. К позднему взрослению причисляем респондентов, отказывающихся взрослеть с наступлением совершеннолетия.

Методы исследования

Молодым юношам и девушкам (17–23 лет, но преимущественно в возрасте 18 лет) было предложено отметить дебютный возраст наступления конкретных событий в их жизни, при этом мы от-

казались от единых стандартизированных биографических событий (посещение детского сада, получение паспорта и др.). Всего событий в 2018 г. – 77, не считая возраста окончания детства, в 2023 г. с учетом доработки инструмента по итогам опроса 2018 г. – 100, и в дополнение снова возраст перехода к взрослости и дополнительно уточнение, с какого возраста респонденты вообще имеют воспоминания. Первоначально собрано анкет больше, но потребовался жесткий ремонт, поскольку часть анкет отбракована по разным причинам: например, не все анкеты заполнены до конца или искажены данные, например, указан один возраст на все пункты. Всего в 2018 году обработано 774 анкеты, в 2023 – 1210 анкет, респонденты из разных регионов России и типов поселения, из них ¾ – девушки и ¼ – юноши. Причем подавляющее большинство опрошенных – это студенчество: в 2018 г. – 85,3 % и 2,6 % , а в 2023 г. – 79,6 % и 12,5 % обучались в вузе и СПО соответственно. Поэтому считаем, что те выводы, которые получили, распространяются, прежде всего, на такую подгруппу молодежи, как студенческая молодежь. Методы: онлайн-анкетирование, выборка неслучайная потоковая. Опрос проводился через учебные заведения посредством обращений к профессорско-преподавательскому составу и общественные объединения молодежи. Проект реализован инициативной группой под руководством С.Н. Майоровой-Щегловой.

Результаты

Прежде всего поясним, что речь идет именно о субъективной оценке самими респондентами возраста окончания детства.

Таблица 1

Доля обозначивших возраст окончания детства (в % к общему числу респондентов по годам)

Table 1

Fraction of those who indicated the age of childhood graduation (in % of the total number of respondents by year)

Возраст \ Год	2018	2023
3, в %	0,4	0,3
4, в %	0,3	0,3
5, в %	0,3	0,1
6, в %	1,0	0,5
7, в %	0,6	1,5
8, в %	1,0	1,4
9, в %	1,4	1,6
10, в %	3,6	5,0
11, в %	2,5	2,5
12, в %	6,1	7,7
13, в %	5,2	7,3
14, в %	9,0	12,6
15, в %	10,8	8,9
16, в %	9,9	11,9
17, в %	8,4	7,6
18, в %	12,3	11,6
средний возраст окончания, в годах	14,4	14,2

В табл. 1 шрифтом выделен наибольший показатель по рассматриваемым годам. Существенных изменений в пятилетнем промежутке по среднему возрасту окончания детства не обнаружено, хотя он и стал немного ниже (14,4 – в 2018 г. и 14,2 – в 2023 г.). Доля ориентированных на раннее взросление – тех, у кого детство завершилось до 13 лет – выше по данным 2023 года (22,4 % – в 2018 г. и 28,2 % – в 2023 г.).

Объединяем в укрупненные когорты респондентов по возрасту окончания детства на основе их ориентации на раннее, нормативное и позднее взросление (рис. 1).

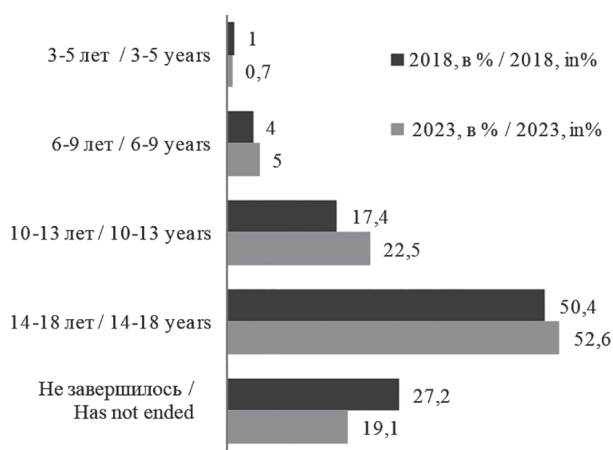

Рис. 1. Динамика окончания детства в зависимости от принадлежности к соответствующей возрастной когорте (в % к общему числу респондентов по годам)

Fig. 1. Dynamics of childhood graduation depending on belonging to the corresponding age cohort (in % of the total number of respondents by year)

Существенных изменений в пятилетнем промежутке в отношении доли опрошенных, у которых детство завершается в трех интервалах: от 3 до 5, от 6 до 9 и от 14 до 18 лет, – не обнаружено. Подчеркнем, что у чуть более половины опрошенных как в 2018, так и в 2023 годах, детство завершилось, когда они находились в возрасте от 14 до 18 лет.

Скорее всего, это говорит об определенной стабилизации возраста окончания детства в среднесрочной перспективе, поскольку численность этой группы изменилась незначительно: от 50,4 % в 2018 году до 52,6 % в 2023 году. Но вместе с тем можно выделить еще две группы – это те, у кого детство не завершилось с наступлением 18 лет (таковых было 27,2 % в 2018 г. и 19,1 % в 2023 г.), и те, у кого оно завершилось ранее 13 лет включительно (22,4 % в 2018 г. и 28,2 % в 2023 г.). Эти группы требуют особого внимания. Среди тех, у кого детство завершилось до 14 лет, основная по численности группа – с 10 до 13 лет. Ее динамика такова, что на 5,1 % в 2023 году по сравнению с 2018 годом возросла доля тех, у кого детство закончилось в этом интервале. Также отметим, что снизилось на 8,1 % количество тех, кто считает, что детство не завершилось с наступлением совершеннолетия. Вместе с тем, несмотря на снижение численности тех, кто считает, что их детский период продолжается, этот процент остается стабильно высоким: каждый четвертый так думал в 2018 году (27,2 %) и фактически каждый пятый так считает в 2023 году (19,1 %). Полученные данные свидетельствуют о том, что сохраняет свое значение субъективная установка респондентов на позднее взросление, и в то же время усиливается ориентация на раннее взросление к 2023 г. по сравнению с 2018 г.

Группа отказывающихся взрослеть впервые была подвергнута детальному анализу на основе данных 2018 года (Губанова, Майорова-Щеглова 2019; Митрофанова 2019). Она нуждается в более пристальном рассмотрении и на основе проведенного в 2023 году исследования, так же как и группы тех, кто ориентирован на нормативное и раннее взросление, что позволит выявить динамику изменений в этих группах.

Рассмотрим представленность юношей и девушек внутри групп, ориентированных на раннее, субъективно нормативное и позднее взросление, а также по всей выборке по году проведения исследования.

Распределение респондентов по полу внутри групп с ранним, субъективно нормативным и поздним взрослением и по всей выборке по году проведения исследования (%)

Таблица 2

Distribution of respondents by gender within groups with early, normative and late adulthood and across the entire sample during the course of the study (%)

Table 2

Год	Пол	2018			2023		
		Муж., в %	Жен., в %	Всего муж. и жен., в %	Муж., в %	Жен., в %	Всего муж. и жен., в %
Группы по специфике взросления							
Раннее взросление (10–13 лет)		19,4	80,6	100	23,4	76,6	100
Субъективно нормативное взросление (14–18 лет)		26,1	73,9	100	21,9	78,1	100
Позднее взросление (не закончилось детство)		31,8	68,2	100	32,3	67,7	100
Итого по всей выборке		26,7	73,3	100	24,0	76,0	100

В табл. 2 шрифтом отмечен наибольший процент по полу в группах с ранним, субъективно нормативным и поздним взрослением по годам. В группе с ранним взрослением мальчиков в 2023 г. больше, чем мальчиков в 2018 г., в то время как девочек больше в 2018 г. по сравнению с девочками 2023 г. В группе с субъективно нормативным взрослением мальчиков в 2018 г. больше, чем мальчиков в 2023 г. Девочек больше в этой группе в 2023 г. по сравнению с девочками 2018 г. В группе с поздним взрослением мальчиков примерно одинаково как в 2018 (31,8 %), так и в 2023 гг. (32,3 %), при этом мальчиков в этой группе больше, чем в других группах (с ранним и субъективно нормативным взрослением) как в 2018 г., так и в 2023 г. Девочек в группе с поздним взрослением примерно одинаковая доля как в 2018 г., так и в 2023 гг., но при этом их доля в этой группе меньше, чем их доли в других группах (с ранним и поздним взрослением). Полученные данные говорят о том, что именно в отношении мальчиков, прежде всего, имеет смысл говорить как об ориентации на раннее взросление (поскольку к 2023 году их доля в этой группе возросла по сравнению с 2018 г.), так и позднее (поскольку мальчиков, ориентированных на позднее взросление, больше, чем в других группах (с ранним и субъективно нормативным взрослением) и в 2018, и в 2023 гг.).

Отметим, что существенных различий по среднему возрасту окончания детства в зависимости от пола не обнаружено как в 2018 г., так и в 2023 г.: у мальчиков – 14,4, у девочек – 14,6 в 2018 г. и у мальчиков – 14,1, у девочек – 14,2 в 2023 г.

Покажем возможности трека анализа окончания детства через сравнение данных по полу, принимая за 100 % отдельно юношей и отдельно девушек по исследуемым годам соответственно. В итоге получаем 4 группы: юношей 2018 и 2023 гг. и девушек 2018 и 2023 гг.

Трек анализа окончания детства по полу позволяет сравнивать данные по юношам 2018 г. с данными по юношам 2023 г., как и девушек 2018 г.

с девушками 2023 г. Этот анализ возможен, поскольку доли юношей и девушек, принимавших участие в исследовании в 2018 г., примерно совпадают с их долями в 2023 году. Так, результаты показывают, что в 2023 году доля юношей, отметивших, что детство завершилось в интервале от 10 до 13 лет, по сравнению с юношами 2018 г. – выше (22,1 % в 2023 г. против 12,6 % в 2018 г.), и в то же время доля юношей в 2023, считающих, что детство не завершилось, ниже, чем в 2018 г., но все равно достаточно высокая (25,9 %): каждый четвертый юноша так считает. Что подтверждает идею парадоксальности одновременно раннего и позднего взросления применительно к юношам. Что касается девушек, то в 2023 г. доля тех, кто считает, что детство завершилось в интервале от 10 до 13 лет, немного выше (22,7 %), чем в 2018 г. (19 %), а также чье детство закончилось от 14 до 18 лет в 2023 г. немного выше, чем в 2018. Доля тех девушек, что еще «задержались в детстве», в 2023 г. ниже (17,1 %), чем в 2018 г. (25,4 %), но вместе с тем это также достаточно высокий процент.

Считаем, что можно сопоставить данные по годам: результаты по юношам 2018 года с данными, полученными по исследованию девушек в 2018 г., и по 2023 году аналогично. С одной стороны, поскольку выборка неслучайная потоковая, не претендуем на репрезентативность в масштабах российского общества, однако считаем, что такой анализ может быть полезен для выявления самых общих трендов.

Если в 2018 г. больше девушек (19 %), отметивших, что детство завершилось в интервале от 10 до 13 лет, чем юношей (12,6 %), то в 2023 г. примерно одинаковый процент юношей и девушек отметили, что детство завершилось в этом интервале. Юношей, ориентированных на позднее взросление, больше, чем девушек, как в 2018 г., так и в 2023 г. Что позволяет сделать вывод, что юноши больше ориентированы на позднее взросление, чем девушки.

Таблица 3

Распределение внутри групп юношей и девушек респондентов по их ориентации на раннее, субъективно нормативное и позднее взросление (в %)

Table 3

Distribution of respondents within groups of boys and girls according to their orientation towards early, subjective normative and late adulthood (in %)

Пол	Год	Юноши		Девушки	
		2018, в %	2023, в %	2018, в %	2023, в %
Группы по возрасту окончания детства	3–5 лет	1,4	0,3	0,7	0,9
	6–9 лет	4,3	3,8	4,0	5,3
	10–13 лет	12,6	22,1	19,0	22,7
	14–18 лет	49,3	47,9	50,9	54,0
	Не закончилось детство	32,4	25,9	25,4	17,1
Итого	100	100	100	100	

Таким образом, как трек анализа внутри групп с ранним, субъективно нормативным и поздним взрослением в зависимости от пола, так и трек анализа по полу в зависимости от ориентации респондентов на раннее, нормативное и позднее взросление подтверждают идею одновременно удлиненного и укороченного взросления, причем наиболее очевидна она именно в отношении мальчиков.

Рассмотрим оценки респондентами своего материального положения (табл. 4).

Обратим внимание на понижение среднего возраста окончания детства по всем группам, характеризующим материальное положение, в 2023 г. по сравнению с 2018 г.

Рассмотрим, как внутри групп с ранним, субъективно нормативным и поздним взрослением респонденты распределяются по оценке материального положения своей семьи в детстве (табл. 5).

В 2023 году, как и в 2018 году, среди всех групп большинство из опрошенных оценили материально-экономическое состояние своей родительской семьи во время детства на среднем уровне. По всем группам респондентов с ранним, субъективно нормативным и поздним взрослением отмечаем, что повысилась доля тех, кто отметил материальное положение во время их детства как высокое и выше среднего, и понизился процент тех, кто фиксировали свое материальное положение в детстве как низкое и ниже среднего. При этом отметим, что в 2023 году доля тех, кто указал, что их материальное положение в детстве среднее, – 49 % – ниже, чем в 2018 и самая низкая из всех групп в 2023 г. Считаем, что это снижение в 2023 г. произошло за счет повышения доли группы тех, кто считает, что их положение выше среднего, она наибольшая в группе с ранним взрослением. Может быть, это связано с тем потенциалом, ресурсами,

Таблица 4
Table 4

Средний возраст окончания детства в зависимости от материального положения семьи в 2018 и 2023 гг.
The average age of late childhood, depending on the financial situation of the family in 2018 and 2023

Год	2018				
	Высокое	Выше среднего	Среднее	Ниже среднего	Низкое
Средний возраст	13,6	14,6	14,6	14,3	12,5
Год	2023				
	Средний возраст	13,2	14,3	14,3	13,8

Таблица 5

Распределение респондентов по субъективной оценке материально-экономического состояния своей родительской семьи во время детства внутри групп с ранним, субъективно нормативным и поздним взрослением и по всей выборке по году проведения исследования (%)

Table 5

Distribution of respondents according to a subjective assessment of the material and economic condition of their parent family during childhood within groups with early, subjective normative and late adulthood and across the entire sample by year of the study (%)

Год	2018						2023					
	Материальное положение											
Группы по специфике взросления	Высокое в %	Выше среднего в %	Среднее в %	Ниже среднего в %	Низкое в %	Итого в %	Высокое в %	Выше среднего, в %	Среднее в %	Ниже среднего в %	Низкое в %	Итого в %
	Раннее взросление (10–13 лет)	2,2	15,7	61,2	16,4	4,5	100	5,9	28,6	49,0	14,3	2,2
Субъективно нормативное взросление (14–18 лет)	2,3	15,6	63,4	16,9	1,8	100	3,1	23,6	60,0	11,6	1,7	100
Позднее взросление (не закончилось детство)	0,9	19	59,7	16,6	3,8	100	4,7	22,8	59,2	12,9	0,4	100
Итого по всей выборке	2,2	16,1	61,7	16,8	3,2	100	4,3	23,7	57,3	12,7	2,0	100

которыми обладают обеспеченные семьи, способные предоставить детям возможности раннего взросления, в том числе финансовые, например, для приобретения компьютера или всевозможных гаджетов, средств передвижения. В то же время в группах с нормативным и поздним взрослением доля тех, кто выбрал этот же пункт в шкале, также высока. Поскольку в 2018 г. 15,7 %, а в 2023 г. 28,6 % в группе респондентов с ранним взрослением оценили свое материальное положение в детстве как выше среднего, то считаем, что оценка респондентами своего материального положения в детстве напрямую не связана с субъективной оценкой возраста окончания детства. Считаем, что более позитивные оценки респондентами материального положения в детстве по данным 2023 года по сравнению с 2018 г. могут быть связаны с тем, что те опрошенные, чье детство пришлось на начало нулевых, жили хуже, чем те, чье детство наступило на 5 лет позже. И потому опрошенные в 2018 году более критичны в оценках своего материального положения в детстве.

Рассмотрим роль территории проживания в детстве в фиксации возраста его окончания (табл. 6).

Немного повысился средний возраст окончания детства тех, кто проживает в больших и небольших городах, но при этом существенно снизился средний возраст окончания детства тех, кто проживает в сельской местности в 2023 году по сравнению с 2018 годом. Возможно, это связано с происходящими событиями в стране и мире, которые наиболее остро ощутили на себе сельские жители и дети в том числе.

Интерес представляет распределение изучаемых групп опрошенных по типу проживания в детский период жизни.

Как в 2018, так и в 2023 гг. в группах с ранним и субъективно нормативным взрослением основные доли опрошенных – это те, кто проживали в детстве в небольших городах. В группе с поздним взрослением в 2018 году – также проживали в небольшом городе, а в 2023 году из этой группы – самая высокая доля тех, кто проживал в детстве в сельской местности. Возможно, это связано с тем, что образ жизни, характерный для сельских поселений, позволяет подольше задержаться в детстве. Полученные данные подчеркивают парадоксальность процессов взросления, протекающих

Таблица 6

Средний возраст окончания детства по территории проживания в детстве

The average age of the end of childhood in the territory of residence in childhood

Table 6

Год	2018			
	Территория проживания			
Группы по специфике взросления	Большой город	Город-миллионник	Небольшой город	Сельская местность
Средний возраст	13,9	14,0	13,9	15,1
Год	2023			
Средний возраст	14,2	14,0	14,2	14,3

Таблица 7

Распределение респондентов по территории проживания в детстве внутри групп с ранним, субъективно нормативным и поздним взрослением и по всей выборке по году проведения исследования (%)

Table 7

Distribution of respondents by territory of residence in childhood within groups with early, subjective normative and late adulthood and across the entire sample by year of the study (%)

Год	2018					2023				
	Территория проживания					Территория проживания				
Группы по специфике взросления	Большой город, в %	Город-миллионник, в %	Небольшой город, в %	Сельская местность, в %	Итого, в %	Большой город, в %	Город-миллионник, в %	Небольшой город, в %	Сельская местность, в %	Итого, в %
Раннее взросление (10–13 лет)	17,9	29,9	33,5	18,7	100	23,8	21,6	33,0	21,6	100
Субъективно нормативное взросление (14–18 лет)	15,1	24,3	38,9	21,7	100	22,3	22,6	31,2	23,9	100
Позднее взросление (не закончилось детство)	20,9	25,6	36,5	17	100	19,4	25,9	25,9	28,8	100
Итого по всей выборке	17,3	26,3	37,2	19,2	100	21,9	23,3	30,4	24,4	100

Таблица 8

Распределение внутри групп по территории проживания респондентов по их ориентации на раннее, субъективно нормативное и позднее взросление (в %)

Table 8

Distribution within groups by the territory of residence of respondents according to their orientation towards early, subjective normative and late adulthood (in %)

Год	2018				2023			
	Территория проживания							
Группы по специфике взросления	Большой город, в %	Город – миллионник, в %	Небольшой город, в %	Сельская местность, в %	Большой город, в %	Город – миллионник, в %	Небольшой город, в %	Сельская местность, в %
3–5 лет	0,8	1,4	0,7	0,7	0,7	0,7	0,8	0,7
6–9 лет	4,5	5,9	4,2	1,3	6,0	4,2	4,6	5,1
10–13 лет	17,9	19,6	15,6	16,8	20,9	24,5	24,5	20,0
14–18 лет	44,0	46,6	52,8	57,0	51,1	53,6	53,8	51,5
Не закончилось детство	32,8	26,5	26,7	24,2	21,3	17,0	16,3	22,7
Итого	100	100	100	100	100	100	100	100

в сельской местности. Так, с одной стороны, наблюдаем снижение среднего возраста окончания детства в сельской местности (табл. 6), но с другой стороны, в группе с поздним взрослением в 2023 году больше тех, кто проживал в сельской местности в детстве (28,8 %) (табл. 7).

По всем территориям проживания в детстве основная по численности группа – это те, чье детство завершилось в интервале от 14 до 18 лет. Но вместе с тем есть важные нюансы, касающиеся возраста окончания детства в зависимости от конкретной территории проживания в детстве. В 2023 году по всем территориям тех, чье детство завершилось в интервале от 10 до 13 лет, выше, чем в 2018 г., в то время как тех, у кого детство не завершилось, ниже. В 2018 году из тех, кто проживал в больших городах, детство не завершилось практически у каждого третьего респондента (32,8 %), а в 2023 – у каждого пятого (21,3 %). В городах-миллионниках в 2018 году было больше тех, чье детство не завершилось (26,5 %), чем тех, у кого оно завершилось в интервале от 10 до 13 лет (19,6 %). В то время как в 2023 году картина прямо противоположная: 24,5 % отметили, что детство завершилось в интервале от 10 до 13 лет, а 17 % – не завершилось. В небольших городах ситуация такая же при сопоставлении по году исследования: в 2018 г. завершилось в интервале от 10 до 13 лет – 15,6 %, не завершилось – 26,7 %, в то время как в 2023 г. завершилось в интервале от 10 до 13 лет – 24,5 %, не завершилось – 16,3 %. В сельской местности в 2023 году тех, чье детство завершилось в интервале от 10 до 13 лет, выше (20 %), чем в 2018 году (16,8 %), а тех, у кого не завершилось в 2023 г. (22,7 %), – ниже, чем в 2018 г. (24,2 %).

Заключение

В рамках данного исследования использованы треки анализа окончания детства 1) по возрасту, 2) специфике взросления в аспектах пола, материального положения, территории проживания, а также 3) полу и территории проживания относительно ориентации на раннее, субъективно нормативное или позднее взросление. Треки анализа по возрасту и специфике взросления в зависимости от пола доказали свою эффективность, поскольку в них наиболее очевидно представлена парадоксальность одновременно укороченного и удлиненного взросления. Возможно выделение и иных треков, которые считаем перспективными в контексте обсуждаемого вопроса. Например, по особенностям взросления относительно оценки респондентами состояния здоровья в детстве или детства в целом как счастливого или несчастного, а также треков по оценке респондентами состояния здоровья в детстве или детства в целом как счастливого или несчастного в зависимости от ориентации на раннее, субъективно нормативное или позднее взросление.

По итогам исследования выявлено, что, хотя существенных изменений в пятилетнем промежутке по среднему возрасту окончания детства не обнаружено, доля ориентированных на раннее взросление – тех, у кого детство завершилось до 13 лет – выше, по данным 2023 года. Вместе с тем, несмотря на снижении численности тех, кто считает, что детство не закончилось к 2023 году, этот процент остается стабильно высоким. Таким образом, сохраняет свое значение субъективная установка респондентов как на раннее, так и на позднее взросление. В 2023 году доля юношей, отметивших, что детство подошло к окончанию в интервале от 10 до 13 лет, по сравнению с юношами 2018 г. выше, и в

то же время доля юношей в 2023, считающих, что детство еще продолжается, ниже, чем в 2018 г., но все равно достаточно высокая, что подтверждает идею парадоксальности одновременно раннего и позднего взросления, прежде всего, применительно к юношам. По всем группам респондентов с ранним, субъективно нормативным и поздним взрослением отмечаем, что повысилась к 2023 году доля тех, кто отметил материальное положение во время их детства как высокое и выше среднего, и понизился процент тех, кто фиксировал свое материальное положение в детстве как низкое и ниже среднего. Немного повысился средний возраст окончания детства тех, кто проживает в больших и небольших городах, но при этом существенно снизился средний возраст окончания детства тех, кто проживает в сельской местности в 2023 году по сравнению с 2018 годом. В 2023 году по всем территориям тех, чье детство подошло к концу в интервале от 10 до 13 лет, выше, чем в 2018 г., в то время как тех, у кого детство не завершилось, ниже.

На основе субъективной интерпретации респондентами перехода от детства к взрослости в сравнительной перспективе 2018 и 2023 гг. возможно выстроить и треки взросления через событийность, это одна из важных перспективных задач, которая становится возможной при обосновании валидности эмпирических замеров, представленных в этой статье. Полученные данные в обобщенном виде подтверждают идею парадоксальности современного детства, одновременно ориентированного как на раннее, так и на позднее взросление и актуализируют вопрос определения тенденций взросления в детстве в среднесрочной перспективе.

Источники фактического материала

ООН: Детство у мужчин продлится до 42 лет, 2018. URL: <https://kurer-sreda.ru/2018/07/25/365540-oon-detstvo-u-muzhchin-prodlitsya-do-42-let> (дата обращения: 16.04.2024).

Скворцова спрогнозировала увеличение периода детства до 30 лет (Общество, 21 мая 2018). 2018. URL: <https://www.rbc.ru/society/21/05/2018/5b02d0aa9a794718b0baefcd> (дата обращения 16.04.2024).

Библиографический список

Arnett, J.J. (2019), *Emerging adulthood: the winding road from the late teens through the twenties (2nd edition)*, Oxford University Press, New York, USA, DOI: <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199929382.001.0001>.

Blatterer, H. (2007), Contemporary adulthood: reconceptualizing an uncontested category, *Current Sociology*, vol. 55(6), pp. 771–792.

Keij, D. (2021), Immature adults and playing children: on Bernard Stiegler's critique of infantilization,

Studies in Philosophy and Education, vol. 40, pp. 67–80, DOI: <https://doi.org/10.1007/s11217-020-09742-9>.

Noxon, Ch. (2006), *Rejuvenile: kickball, cartoons, cupcakes, and reinvention of the american grown-up*, N.Y., USA.

Robertson, A. (2004), *Life like dolls: the collector doll phenomenon and the lives of the women who love them*, Routledge, New York, USA.

Valentine, G. (2003), Boundary Crossings: Transitions from Childhood to Adulthood, *Children's Geographies*, vol. 1, no. 1, pp. 37–52.

Аверин В.А. Психология детей и подростков: учеб. пособие. 2-е изд., перераб. Санкт-Петербург: Изд-во Михайлова В.А., 1998. 379 с.

Губанова А.Ю., Майорова-Щеглова С.Н. Когда уходит детство? Границы и события окончания детства // Народное образование. 2019. № 5 (1476). С. 173–184.

Лишаев С.А. От детства к зрелости (феномен пролонгации молодости и современность) // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология». 2016. № 2 (20). С. 110–132.

Майорова-Щеглова С.Н., Митрофанова С.Ю. Раннее взросление или инфантилизация: парадокс событийности современного детства // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2020. Т. 13. Вып. 1. С. 25–39. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu12.2020.102>.

Майорова-Щеглова С.Н., Колосова Е.А., Губанова А.Ю. Маршруты офлайн и онлайн-жизни детства: событийный анализ // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2020. № 3. С. 21–34. DOI: <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2020-3/21-34>.

Майорова-Щеглова С.Н., Колосова Е.А. Труд детей в семье и за ее пределами: факторы, влияющие на возрасты дебютов // Семья и работа. Материалы международной научно-практической конференции. Нижний Новгород, 2024. С. 63–67.

Мамычева Д.И. Трансформации категорий «Детство» и «Взрослость» в современной культуре // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2010. № 3. С. 75–80.

Митрофанова Е.С. (Не)время взрослеть: как меняется возраст наступления дебютных биографических событий у россиян // Демографическое обозрение. 2020. Т. 7. № 4. С. 36–61. DOI: <https://doi.org/10.17323/demreview.v7i4.12043>.

Митрофанова С.Ю. (Не)законченное детство современных юношей и девушек // Вестник ВЭГУ. 2019. № 2 (100). С. 89–96.

Нартова Н.А., Фатехов А.М. Переход во взрослость российских миллениалов: на пути от получения образования к обретению ответственности и потере оптимизма? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 4. С. 319–344. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.1832>.

Ретюньских Л.Т. Детство как объект междисциплинарного исследования // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2022. Т. 8. № 1. С. 71–78. DOI: <https://doi.org/10.18413/2408-932X-2022-8-1-0-6>.

Тихомандрицкая О.А., Рикель А.М. (Не)взрослое поколение: модель исследования поколенческой отнесенности оценки взрослости // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2022. Т. 19. № 2. С. 209–232. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2022-19-2-209-232>.

Швец Т.А., Поливанова К.Н. Характеристики субъективного возраста в младшем подростковом возрасте // От детства к взрослости: вариации нормы и особенности развития. Сборник докладов II межвузовской конференции молодых ученых. Ред.-сост. А.С. Обухов. Москва, 2017. С. 147–150.

Ядова М.А. Тенденции взросления в России и за рубежом: общее и особенное // Siberian Socium. 2022. Т. 6. № 1 (19). С. 8–17. DOI: <https://doi.org/10.21684/2587-8484-2022-6-1-8-17>.

References

Arnett, J.J. (2019), *Emerging adulthood: the winding road from the late teens through the twenties (2nd edition)*, Oxford University Press, New York, USA, DOI: <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199929382.001.0001>.

Blatterer, H. (2007), Contemporary adulthood: reconceptualizing an uncontested category, *Current Sociology*, vol. 55(6), pp. 771–792.

Keij, D. (2021), Immature adults and playing children: on Bernard Stiegler's critique of infantilization, *Studies in Philosophy and Education*, vol. 40, pp. 67–80, DOI: <https://doi.org/10.1007/s11217-020-09742-9>.

Noxon, Ch. (2006), *Rejuvenile: kickball, cartoons, cupcakes, and reinvention of the american grown-up*, N.Y., USA.

Robertson, A. (2004), *Life like dolls: the collector doll phenomenon and the lives of the women who love them*, Routledge, New York, USA.

Valentine, G. (2003), Boundary Crossings: Transitions from Childhood to Adulthood, *Children's Geographies*, vol. 1, no. 1, pp. 37–52.

Averin, V.A. (1998), *Psihologija detej i podrostkov: uceb. Posobie [Psychology of children and adolescents: study guide]*, 2-e izd., pererab, Izd-vo Mihajlova V.A, SPb., 379, (In Russian).

Gubanova, A.Ju., Majorova-Shheglova, S.N. (2019), “When does childhood leave? Boundaries and events of the end of childhood”, *Narodnoe obrazovanie*, no. 5(1476), pp. 173–184.

Lishaev, S.A. (2016), “From childhood to adulthood (the phenomenon of prolongation of youth and modernity)”, *Vestnik Samarskoj humanitarnej akademii. Serija «Filosofija. Filologija»*, no. 2(20), pp. 110–132.

Majorova-Shheglova, S. N., Mitrofanova, S. Ju (2020), “Early adulthood or infantilization: the paradox of the eventfulness of modern childhood”, *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sociologija*, no. 3 (1), pp. 25–39, DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu12.2020.102>.

Majorova-Shheglova, S. N., Kolosova, E. A., Gubanov, A. Ju. (2020), “Routes of offline and online childhood life: event analysis”, *Ojkumena. Regionovedcheskie issledovanija*, no. 3, pp. 21–34, DOI: <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2020-3/21-34>.

Majorova-Shheglova, S.N., Kolosova, E.A. (2024), The work of children in the family and beyond: factors influencing the age of debuts, *Sem'ja i rabota. Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii*, Nizhnij Novgorod, pp. 63–67.

Mamycheva, D.I. (2010), Transformations of the categories "Childhood" and "Adulthood" in modern culture, *Obshhestvo. Sreda. Razvitie (Terra Humana)*, no. 3, pp. 75–80.

Mitrofanova, E.S. (2020), (Not) the time to grow up: how the age of onset of debut biographical events among Russians changes, *Demograficheskoe obozrenie*, no. 7 (4), pp. 36–61, DOI: <https://doi.org/10.17323/demreview.v7i4.12043>.

Mitrofanova, S.Ju. (2019), “(Not)completed childhood of modern boys and girls”, *Vestnik VJGU*, no. 2 (100), pp. 89–96.

Nartova, N.A., Fatehov, A.M. (2021), Transition to adulthood of Russian millennials: on the way from getting an education to gaining responsibility and loss of optimism? *Monitoring obshhestvennogo mneniya: jekonomicheskie i social'nye peremeny*, no. 4, pp. 319–344, DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.1832>.

Retjunkskih, L.T. (2022), Childhood as an object of interdisciplinary research, *Nauchnyj rezul'tat. Social'nye i gumanitarnye issledovanija*, no. 8(1), pp. 71–78, DOI: <https://doi.org/10.18413/2408-932X-2022-8-1-0-6>.

Tihomandrickaja, O.A., Rikel', A.M. (2022), (Non) adult generation: a model for the study of generational relativity of the assessment of adulthood, *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Psihologija i pedagogika*, no. 9(2), pp. 209–232, DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2022-19-2-209-232>.

Shvec, T.A., Polivanova, K.N. (2017), Characteristics of subjective age in early adolescence, *Ot detstva k vzroslosti: variacii normy i osobennosti razvitija. Sbornik dokladov II mezhvuzovskoj konferencii molo-dyh uchenyh*, pp. 147–150, (In Russian).

Jadova, M. A. (2022), Trends of growing up in Russia and abroad: general and special, *Siberian Socium*, vol. 6, no. 1 (19), pp. 8–17, DOI: <https://doi.org/10.21684/2587-8484-2022-6-1-8-17>.

Submitted: 01.12.2024

Revised: 10.01.2025

Accepted: 01.04.2025